

УДК 34.047

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА

Кулиева А. М.

Московский государственный юридический университет имени О.М. Кутафина (МГЮА)

Статья посвящена анализу изменений, происходящих в российской правовой системе и, в частности, во внутренней структуре и в элементном составе механизма правового регулирования. Право, подвергаясь в условиях новой социальной действительности и смены технологического уклада жизни общества скачкообразным и хаотичным изменениям, не всегда способно адаптировать и актуализировать средства правового воздействия под динамично развивающиеся общественные отношения без потери своей эффективности. В науке развилась активная дискуссия о расширении либо, наоборот, сужении пределов правового регулирования в связи с возникновением новых видов общественных отношений и субъектов правового воздействия. Механизм правового регулирования, хотя и состоит как из статичных, так и из динамичных юридических средств, по своей сущности является главным проявлением динамичного свойства жизни права и представляет собой главный идентификатор эффективности действия права. Система юридических средств, входящих в состав механизма правового регулирования, нуждается в предметном рассмотрении в контексте новых социально-экономических условий. В статье приводятся теоретико-правовые положения о трансформационных процессах внутри этой системы и рассматриваются прогностические концепции её развития.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, цифровизация права, элементный состав механизма правового регулирования, эффективность правового регулирования, технологизация общественных отношений.

В настоящее время правовая действительность проживает очередной, весьма резкий виток в своем развитии. В условиях цифровизации всех сфер жизни общества, четвертой промышленной революции, появления новых субъектов права и активной научной дискуссии о переосмыслении когда-то незыблемых постулатов *leges legum* динамическая природа правового регулирования проявляется как никогда явственно. Общество и социальные институты всё сильнее проваливаются в цифровую плоскость взаимодействия. Влиянию процессов диджитализации на все правовые категории посвящен едва ли не каждый второй круглый стол и каждая третья юридическая статья, что явственно говорит о степени остроты вытекающих из указанных процессов круга вопросов. Однако аспектов цифровизации правового регулирования, требующих пристального рассмотрения, всё ещё очень и очень много, так как в настоящий момент право, к сожалению, стоит в догоняющей позиции по отношению к динамике общественных изменений. Один из таких вопросов – трансформация механизма правового регулирования в цифровую эпоху. Учитывая, что в научном сообществе нет единогласия ни по вопросу определения понятия самого механизма, ни его элементного состава и стадий реализации и осознавая комплексность и многогранность механизма правового регулирования, видим, что анализ влияния цифровых процессов на это правовое явление – задача весьма амбициозная. Тем не менее, следуя знаменитому афоризму физика Альберта Эйнштейна, «поиск истины важнее, чем обладание ею» [1], в настоящей статье предпримем попытку провести подобное исследование.

Развитие общества, появление государственных институтов и их эволюционирование привело к формированию механизма правового регулирования, состоящего из правового инструментария, необходимого для успешного функционирования правовой системы. Правовое регулирование – более узкое и конкретизированное поня-

тие, чем правовое воздействие действие права в целом. Т.Н. Радько и В.В. Лазарев правовое регулирование определяют как специфическое, отличающееся и по форме, и по содержанию действие права, осуществляемое через юридические права и обязанности субъектов права, выступающих в качестве субъектов конкретных правоотношений, а правовое воздействие – как многостороннее и разнообразное (психологическое, государственноволевое, формальное, нормативное и т. п.) действие права в системе общественных отношений. Учёные разграничивают эти понятия на основании формы их реализации (общие правоотношения для правового воздействия и конкретные для регулирования), акцентируют внимание на том, что два этих явления отличаются признаком неотъемлемого для правового регулирования государственного принуждения, которого нет при правовом воздействии, а также различаются по объекту: объектом правового воздействия является сознание и поведение человека, объектом правового регулирования – общественные отношения. Посредством правового регулирования правом реализуется его прямая и основная функция влияния на социальные отношения *de rigore jùris*, тогда как при правовом воздействии реализуются общесоциальные функции права (политическая, культурная, воспитательная, экономическая, коммуникативная, информативная и другие). При этом оба понятия являют собой выражение динамичной природы права как такового, его динамичное состояние.

Понятие механизма правового регулирования – базовое в правовой науке. В доктрине подхода к определению этого понятия правоведа С.С. Алексеева, первого в отечественной науке давшим ему определение, механизм правового регулирования представляет собой комплекс (систему) специальных средств, при помощи которых осуществляется достижение определенного результата в воздействии на общественные отношения (чаще всего в качестве такого результата рассматривают упорядочение общественных отношений). К элементам механизма правового регулирования правовед относит юридические нормы, правовые отношения и акты реализации субъективных юридических прав и обязанностей и выносит такие понятия, как законность и правосознание за рамки механизма правового регулирования, считая их не функционирующими средствами правового регулирования, а неким общим фоном и сопутствующими фактором реализации права, не умаляя при этом значимости этих понятий [3, с. 30]. Как указывает А.В. Малько, цель механизма правового регулирования – обеспечение беспрепятственного движения интересов субъектов к ценностям, то есть гарантированность их справедливого удовлетворения. Исходя из этого, он определяет механизм правового регулирования как систему правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права. К составляющим механизма учёный относит те же юридические средства, что и С.С. Алексеев, при этом вполне обоснованно, на наш взгляд, добавляя в их ряд юридические факты и охранительные правоприменительные акты [4, с. 625].

А.В. Скрипник определяет механизм правового регулирования как последовательную организованную систему юридических средств, способов и методов воздействия права на общественные отношения с целью трансформации нормы права в правомерное поведение граждан, динамическую силу, главное выражение правовой действительности [5, с. 7]. Анализируя подход к этому понятию С.С. Алексеева и других учёных, правоведы Т.Н. Радько и В.В. Лазарев подчеркивают такой общий

для них недостаток – определение правового регулирования через правовое воздействие и, говоря о целесообразности введения в научный словарь более узкого определения, предлагают следующее: механизм правового регулирования — это система правовых средств (элементов), осуществляющих одновременную взаимосвязанную регламентацию общественных отношений определенного вида в рамках конкретных правоотношений. пишут о возможности расширения перечня правовых средств, подлежащих к включению в состав правового регулирования с целью отражения действия права в более широком диапазоне. Авторы предлагают включить в состав механизма правового регулирования и такие понятия как определение правосубъектности граждан, приобретение и изменение их правового статуса, определение компетенции органов власти, определение правового положения общественных положений и т.п. [2, с. 309].

В.Д. Перевалов под элементами механизма правового регулирования понимания его составные части или структуру, выделял юридические нормы, нормативно-правовые акты, правоотношения, акты реализации права, правоприменительные акты, правосознание, режим законности [6, с.168].

В. А. Шабалин также называет в качестве самостоятельного элемента механизма правового регулирования — законность [7, с. 124]. Не соглашаясь с этой позицией, Т.Н. Радько и В.В. Лазарев полагают, что законность как требование точного и неуклонного соблюдения всеми субъектами права законов и подзаконных актов не может быть элементов механизма правового регулирования. Законность, по мнению учёных, это метод деятельности власти, это режим права, который затрагивает все элементы механизма правового регулирования, начиная с принятия правовой нормы до ее реализации [2, с. 310].

В. Б. Исаков считает, что, категория «механизм правового регулирования» охватывает следующую систему юридических средств: норму права, юридический факт (состав), акт применения права правоотношение, акты реализации прав и обязанностей. Единодушный в вопросе отнесения к составу механизма юридических фактов вопросе, учёный указывает, что самобытность в качестве элемента правового регулирования юридических фактов определяется тем, что они связаны не только с правоотношениями, но и с иными элементами механизма правового регулирования. Правильное закрепление юридических фактов в гипотезах юридических норм – одна из задач, стоящих перед правотворческими органами при разработке нормативно-правовых актов. Полное, точное и достоверное установление юридических фактов – необходимая предпосылка для применения правовых норм [8, с. 14].

В науке, однако, существует и противоположная точка зрения на положение юридического факта. Так, к примеру, Ю.И. Гревцов считает, что юридический факт играет лишь роль связующего звена между стадиями правового регулирования. По мнению правоведа, сам по себе юридический факт является жизненным обстоятельством, с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Следовательно, юридический факт – необходимая предпосылка правового отношения и не больше [9, с. 73]. Рассматривая это при помощи функционального метода научного исследования, согласно которому познание сущности определенного явления происходит посредством проникновения в него через понимание его функциональную способность и функциональное назначение, мы можем увидеть, что само понятие «механизм», как и многие другие перекочевало в право-

вую науку из отрасли технических наук и используется в переносном смысле; этимология этого понятия следующая: механизм (от греч. μηχανή — машина, орудие) — это 1) Совокупность подвижно соединенных частей, совершающих под действием приложенных сил заданные движения; устройство машины, прибора, аппарата и т. п. ; 2) Внутреннее устройство, система чего-л.; 3) Совокупность состояний и процессов, из которых складывается какое-либо физическое, химическое, физиологическое и т. п. явление [10]. Тот факт, что «механизм» и «машина» понятия в некотором смысле синонимичные, показывает, что эффективность действия механизма правового регулирования обуславливает необходимость его существования вообще; важнейшим условием полезности действия механизма правового регулирования является результат этого действия; как нет смысла в качественно собранной машине, каждая деталь которой исправна сама по себе, но не способна во взаимодействии с другими деталями привести машину в действие и, осуществив заданный этой машине алгоритм, произвести необходимый результат, так нет смысла в совокупности правовых средств, если они в своем взаимодействии не осуществляют реализацию функций права.

Это взаимодействие составных частей механизма правового регулирования является его критически важным свойством. Механизм правового регулирования — комплексный процесс, активно функционирующая система заданного действия. Можно утверждать, что исследование механизма правового регулирования важно не сколько само по себе, сколько необходимо для перехода на следующий этап, то есть для изучения функционирования элементов рассматриваемого механизма. Юридические средства, входящие в состав механизма правового регулирования способны в полной мере реализовать весь регулятивный потенциал правовой системы только при взаимодействии друг с другом. А.В. Малько о правовых (юридических средствах) писал, что они являются правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей [11, с. 8].

На наш взгляд, нельзя категорично выработать навсегда актуальный закрытый список средств правового регулирования, особенно в эпоху четвертой промышленной революции и коренных изменений в трендах общественной жизни. Однако существенные характеристики механизма правового регулирования предполагают, что его составляющие должны подлежать четкой регламентации и представлять собой конкретные средства достижения правом своих функций, поэтому в рамках настоящего исследования мы будем придерживаться более классического понимания элементного состава механизма правового регулирования.

Юридические средства логично будет разделить на традиционные (при этом подвергшиеся изменениям) и новые, или инновационные, появившиеся в результате реагирования права на общественные тенденции, то есть технологизации общественной жизни и последующей за этим необходимости в новой инструментарии для ее регулирования. Последние, безусловно, относятся к механизму правового регулирования цифровой экономики.

Кратко рассмотрим норму права, правоотношения, юридические факты и акты реализации права как «традиционные» составляющие механизма.

Норма права – неделимый элемент системы права, правило поведения, сохраняющее признаки права как социального явления [12, с. 4]. В.В. Лазарев и С.В. Липень дают норме права следующее определение: норма права — это установленное и обеспечиваемое государством общеобязательное правило поведения, предназначенное для регулирования отношений в обществе, при этом указывая, что право и норма права соотносятся между собой как общее и единичное, поэтому и норма права как единичное сохраняет основные признаки права как общего, к которым правоведы относят системность, нормативность, установление компетентными государственными органами, общеобязательность, обеспечение реализации (при необходимости) принудительной силой государства, формальную определенность.

Рассматривая правовые нормы как разновидность социальных норм, определяющихся по способам установления и обеспечения, правоведы В.В. Лазарев и С.В. Липень выделяют в зависимости от специфики объекта регулируемых общественных отношений такой вид правовых норм, как социально-технические правовые нормы, которые устанавливают правила обращения с различными техническими устройствами, правила поведения в отношении различных природных объектов. При этом учёные выделяют параллельно с нормами права также техно-социальные нормы в качестве одного из видов социальных норм, раскрывая их сущность как правила необходимого или целесообразного обращения людей с природными объектами, орудиями труда, различными техническими устройствами [13, с. 210].

Называя норму права «универсальным средством юридического ремесла», «единой регулятивной моделью в доктрине права», «правилом самого права», В.С. Нерсесянц определяет её как общее правило регулирования общественных отношений, согласно которому его адресаты должны при определенных условиях (гипотеза) действовать как субъекты определенных прав и обязанностей (диспозиция), иначе последуют определенные невыгодные для них последствия (санкция), а в качестве признаков права выделяет: общий характер, системность, формальную определенность [27, с. 391].

На основании представленной классификации можно утверждать, что техно-социальные нормы, не нашедшие нормативного закрепления, не могут являться нормами правовыми, однако, приобретя такие признаки правовых норм, как установление компетентными государственными органами, общеобязательность, обеспечение реализации (при необходимости) принудительной силой государства, формальную определенность, они входят в вид правовых норм и становятся социально-техническими правовыми нормами. В качестве примера приведем работу с газотурбинной установкой: в результате эмпирически полученной в результате физики и наращивания технологического опыта работы с подобным оборудованием, специалисты пришли к выводу, что используемое для функционирования газотурбинной установки жидкое топливо должно быть безопасным для человеческого организма, не выделять вещества, представляющие опасность для окружающей среды [14, с. 30] – это техническая норма.

Однако при введении в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18.11.2020 г. №1114-ст Национальным стандартом Российской Федерации «Единая энергетическая система и изолированно работающие энергосистемы тепловые электрические станции газотурбинные установки. Организация эксплуатации и технического обслуживания. Нормы и требова-

ния» (ГОСТ Р 59182-2020) от 01.03.2021 [15], установившим порядок, правила и требования технического и организационного характера, направленные на обеспечение безопасной и эффективной эксплуатации газотурбинных установок и тепловых электрических станций, техника безопасности при работе с жидким топливом и правила эксплуатации газотурбинных установок получили нормативное закрепление, установленное и введенное в действие государственными органами, определивших также область применения указанных технических норм и тем самым сделавших их техно-правовыми нормами.

Отношения «человек-техника» развиваются и усложняются в очень быстром темпе. Также стремительно развивается техническое регулирование отношений человека и окружающего мира. Меняется и общество, что влечет за собой изменение в соотношении общественных регуляторов. Таким образом, мы можем назвать первую особенность в современном механизме правового регулирования: возрастающую роль техно-юридических норм по сравнению с другими нормами права.

В условиях 4-й промышленной революции достижения естественных и технических наук должны получить более основательную правовую поддержку и защиту. Без правовых средств и механизмов достижения этих наук, во многих случаях, внедрены не будут. И здесь механизм верификации результатов естественных и технических наук должен быть совмещен с процессом определения результативности правовых средств, закрепляющих и опосредующих эти достижения [16, с. 113].

Для целей достижения этого баланса общественных регуляторов правовому обществу необходимо бросить силы на разрешение вопросов органичного синтеза индивидуальной морали, ценностной системы общества и юридических средств, составляющих механизм правового регулирования.

Если государство имеет перед собой целью гармоничное развитие, экономический рост и эффективное регулирование общественных отношений, ему стоит направить все силы на актуализацию правового инструментария в разрезе ежеминутно расширяющейся роли технологий в обществе.

По справедливому замечанию А.В. Корнева, в современных реалиях особую актуальность приобретают исследования, основанные на использовании кибернетического, синергетического, подходов, а также математического метода и метода научного моделирования. Согласно кибернетическому подходу, право сможет, по всей видимости, оказывать регулирующее воздействие в «реперных точках», на «входе» или «выходе» системы. Сам же процесс регулирования (например, смарт-контракты), будет осуществляться с помощью цифровых технологий [16, с.112].

На наш взгляд, в этом разрезе технико-юридическим нормам стоит отдать центральное место среди других видов правовых норм, так как они являются связующим звеном между содержанием социальных и технических норм и способны служить юридическим оформлением ценностных убеждений общества и с помощью специфических для правовых норм средств обеспечения своей эффективности плодотворно воздействовать на всё более технологизируемую действительность. Этот этап развития теоретических положений правового регулирования, без сомнения, можно назвать кризисным, однако, как мы знаем, кризис предоставляет наилучшие возможности для развития. В наших силах глубоко и комплексно переосмыслить сущность правовой нормы, пользуясь всем инструментарием современной науки и

реализуя её прогностическую функцию, и тем самым увеличить её эффективность и эффективность всего механизма правового регулирования.

Правовые нормы, содержащие признаки технических норм, находятся на качественно новом уровне по степени их соблюдения и, ведь, в отличие от сугубо социальных норм, нарушение технико-юридических норм несёт объективно обусловленные последствия в виде вреда, зачастую физического, причиняемого человеку самому себе в процессе их нарушения, серьёзные экономические последствия при невозможности осуществить какие-то действия (неисправность механизма) или неправильной эксплуатации объекта регулирования, значимые социальные последствия и приводит в дальнейшем к ограничению в совершении каких-то действий, то есть влечет для индивида отставание от технического прогресса.

Техно-юридические нормы – это смежная категория права и технологий, мост между гуманитарным знанием и миром в эпоху цифры, категория норм, первая отвечающая на вызов времени. Следовательно, возрастающая роль этого вида норм помогает в увеличении эффективности правовой системы в целом.

В правовой науке также выделяют так называемые цифровые нормы в качестве разновидности технических норм. Цифровые нормы – это программа, система кодов, разработанная людьми, она носит субъективный характер, это, в отличие от объективно существующих законов природы, продукт человеческой деятельности, что отличает цифровые нормы от технических норм. Цифровые нормы сформированы людьми в ходе взаимодействия в виртуальном пространстве. Рассуждая о наиболее эффективной имплементации цифровых норм в механизм правового регулирования, И.С. Барзилова предлагает осуществить это внедрение по аналогии с уже апробированным на практике механизмом использования в отечественной правовой системе технико-юридических норм [28, с.101].

Ещё одно традиционное средство правового регулирования – юридические факты. Под юридическим фактом понимается конкретное жизненное обстоятельство, с которым норма права связывает наступление определенных правовых последствий [17, с. 28]. Факт из жизни отдельно взятого индивида или общества сам по себе не обладает имманентным свойством считаться или нет юридическим фактом. Чертами юридических фактов то или иное деяние (действие или бездействие) наделяет государство посредством классификации юридических фактов. Факты, признанные государственным аппаратом юридическими, являются основанием для возникновения, изменения, прекращения прав и обязанностей субъектов права. Совершение определенных юридических фактов способно менять правовой и гражданский статусы человека, такие социальные конструкции, как родство, приобретение гражданства, избрание на пост президента страны, рождение и даже констатация смерти создаются посредством установления юридического факта и влекут за собой юридически установленные последствия. От правильного установления юридического факта зависит эффективность действия правовых норм и всего механизма правового регулирования. Критичное свойство юридического факта, показывающая обоснованность признания этого понятия в роли самостоятельной составляющей правового регулирования, заключается в том, что юридические факты являются основанием возникновения правоотношений, а также своим возникновением обеспечивают процесс перехода от общей (абстрактной) правовой модели, установленной определенной нормой права, к конкретному правоотношению. Юридический факт ознамено-

вызывает динамику механизма правового регулирования, соответствие свершившегося юридического факта ожиданием законодателя от возникши после этого факта прав и обязанностей является индикатором исправности механизма правового регулирования.

Очевидно, что дигитализация права привнесла в социальную действительность до этого не существовавшие юридические факты, порождающие новые виды правоотношений, иногда с участием новых субъектов права. К таким можно отнести: куплю-продажу криптовалюты, так называемую цифровую смерть, кражу персональных данных из электронного личного кабинета, порча чужого имущества посредством передачи компьютерного кода и многие другие. В случае с юридическими фактами, изменения заключаются не в трансформации самой сущности этого юридического средства, но в расширении классификации юридических фактов за счёт появления ранее не существовавших.

Юридические факты также могут быть актами реализации права – то есть актами соблюдения, исполнения, использования и применения права. В теории права под актами применения права понимаются фактическое поведение участников правовых отношений в виде соблюдения, исполнения и использования права. Здесь заканчивается действие механизма правового регулирования, достигается упорядоченность общественных отношений, т. е. устанавливается правопорядок

Акты реализации права – апогей действия механизма правового регулирования. Они могут существовать и в письменной форме, и без письменного закрепления. Особо выделяется акт применения права, содержащий в себе такие признаки, как: индивидуальный, издаваемый компетентным государственным органом власти (являющийся результатом волеизъявления государства), совершаемый определенным компетентным субъектом в рамках конкретных правоотношений, его целью является выявление и определение корреспондирующих друг другу прав и обязанностей на основе соответствующих правовых норм. Акты применения права подлежат классификации по сфере действия (по времени, в пространстве, по кругу лиц), по субъектам правоприменения, по отраслевой принадлежности воплощаемой нормы права, по функциональному признаку, по характеру содержащего в себе волеизъявления компетентных органов (поощряющие, обязывающие, разрешительные, предписывающие и т.д.), по способу выражения (акты-действия, акты-документы, акты символы) [2, с. 325].

Говоря о влиянии цифровизации на рассматриваемое юридическое средство, мы можем о субъектах, осуществляющих составление правоприминительных актов, а именно рассуждать о частичном делегировании составления этих актов искусственному интеллекту. Подобная практика ещё не получила официального закрепления в инструментарии отечественного законодателя, однако зарубежный опыт позволяет составить прогнозы о вероятном внедрении подобных технологий и в России, так как они представляют собой решение проблемы с загруженностью органов власти и являются отличным решением для устранения бюрократических сложностей и оптимизации времени. Однако, безусловно, в этом аспекте мы сталкиваемся с вопросом защиты персональных данных и целым рядом вопросов правовой этики.

Правоотношения – устойчивый и неотъемлемый элемент механизма правового регулирования. Правоотношения представляют собой разновидность общественных отношений, т. е. связь между людьми, их поступками, поведением, деятельностью.

От других видов отношений их отличает то, что их возникновение обусловлено воздействием норм права на одного или более людей; они представляют собой выражение осознанной воли человека; они связывают участников между собой посредством субъективных прав и обязанностей, корреспондирующих друг другу; в этом виде правоотношений участники определены или посубъектно, или им назначены определённые социальные роли (истец и ответчик, должник и кредитор); правоотношения находятся под охраной государства; юридический характер правоотношения приобретают на основании актов органов власти государства; это самый регламентированный вид общественных отношений.

Содержание правоотношения составляют субъективные права и юридические обязанности. Эти элементы позволяют судить о характере и цели правоотношения. В юридической литературе различают юридическое и фактическое содержание правоотношения. Юридическое содержание — возможность совершения определенных действий управомоченным лицом или необходимость выполнения тех или иных действий обязанным лицом, а также необходимость соблюдения запретов, установленных нормами права. Фактическое содержание составляют реальные действия по осуществлению субъективных прав и выполнению юридических обязанностей.

В традиционной правовой науке принято выделять такие субъекты правоотношений, как физические лица (которые приобретают правовой статус в правоотношениях), юридические лица (организации), социальные общности (народ, население), государство в целом и отдельные государственные органы. Также, на наш взгляд, в вопросе определения круга субъектов права и правоотношений целесообразно обратиться к прогностической функции науки и правовой науки, в частности, и включиться в дискуссию о возникновении в настоящее время новых субъектов права, и новых видов правовых отношений.

Общественные отношения всё больше погружаются в цифровую плоскость и находят ранее не существовавшее выражение. За счёт появления новых видов отношений, связанных с цифровыми технологиями, использованием цифровых информационных ресурсов, развитием робототехники, распространения использования искусственного интеллекта, необходимости идентификации личности в виртуальном пространстве, а также отношений, в которых участвуют цифровые личности появляются новые субъекты права. Существует дискуссия о возникновении так называемого цифрового наследника. Согласно разъяснениям, содержащимся в Постановлении Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», наследники наследуют только исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. В научной литературе их часто называют нетипичными, или особыми, субъектами права [18]. Некоторые подобные субъекты даже получают нормативное закрепление, например, Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» введено понятие «оператор информационной системы»; Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает правовой статус оператора обмена цифровых финансовых активов, а также иных видов цифровых прав, выпущенных с использованием инвестиционной платформы [19]. Говоря о новых, ранее не входящих в совокупность составляющих механизм

правового регулирования в условиях цифровой экономики средствах, можем сказать, что в настоящее время в правовой науке есть лишь не завершённые в оформлении концепции по этому вопросу. Инновации для права – это не просто один из сторонних факторов социальной жизни, но один ключевых факторов трансформации права. Праву присущи развитие и обновление, т.к. в любом обществе существуют две противоположные тенденции: тенденция к непрерывному развитию и совершенствованию и тенденция сохранению традиционного порядка вещей.

В своем исследовании Е.А. Войниканис, рассуждая о роли технологий в правовом регулировании, утверждает, что «даже самый общий взгляд на регулирование правоотношений в сфере информационных технологий (интернет-сервисов, электронной коммерции, электронного правительства, мобильных платежей и мобильной связи, социальных сетей, разнообразных баз данных и т.д.) показывает, что регулируются эти правоотношения не только традиционными правовыми инструментами, но и с использованием самих этих технологий. Более того, технологии как инструмент регулирования приобретают все большее значение» [20, с. 124].

Так, например, можно выделить такие средства, как свободные лицензии, умные контракты, средства правовой идентификации субъектов и объектов [21, с. 142-146] и так называемые цифровые нормы [28, с. 101]. Свободные лицензии (от англ. «free software» – программное обеспечение, распространяемое на условиях определенных лицензий) – это комплекты типовых условий (GNL, BSD, MPL), установленные физическими или юридическими лицами, которые являются правообладателями программных продуктов [22, с. 135]. Ричард Столман, основатель Фонда свободного программного обеспечения и руководитель разработки операционной системы в своей речи, произнесенной 17 февраля 2004 года в Национальном техническом институте в Тричи (Тамилнад, Индия), сказал: «Я хочу свободы больше, чем денег, и не позволю использовать свой код в несвободных программах, даже если мне предложат заплатить за него. Но у нас есть люди, сторонники открытого исходного кода, использующие GPL и получающие деньги за то, что вносят свой вклад в чью-то проприетарную программу» [23]. Свобода – главный лейтмотив и мотивация мистера Столлмана и его коллег по цеху творить новую, цифровую реальность. Очевидно, что вопрос повсеместного использования и правового регулирования свободных лицензий – это вопрос о пересмотре пределов правового регулирования, требующий глубокого изучения в рамках отдельного исследования. Мы можем утверждать, что правовое регулирование использования свободных лицензий должно обеспечить реализацию основных правовых принципов.

Под умными контрактами, или смарт-контрактами, понимается новая форма заключения сделки, наряду с устной, простой письменной и нотариальной. Это не однозначно, отдельный вид договора или сделки в общем, так как смарт-контракт не содержит в себе нового вида обязательств, но придает сделке ряд чрезвычайно важных особенностей, которые по своему характеру больше относятся к средствам обеспечения обязательств, способу и форме заключения договора одновременно.

Под умными контрактами, или смарт-контрактами, понимается новая форма заключения сделки, наряду с устной, простой письменной и нотариальной. Это не однозначно, отдельный вид договора или сделки в общем, так как смарт-контракт не содержит в себе нового вида обязательств, но придает сделке ряд чрезвычайно важных особенностей, которые по своему характеру больше относятся к средствам

обеспечения обязательств, способу и форме заключения договора одновременно [24, с. 79]. Формой существования умного контракта является программный код, а не просто текстовая электронная форма традиционного договора. В настоящее время в национальном законодательстве отсутствует нормативно закрепленное определение смарт-контрактов и не разработано необходимого регулирования деятельности специализированных платформ, которые действуют на базе технологии блокчейн или аналогов этой технологии. К достоинствам и особенностям смарт-контракта можно отнести исключение посредников в их заключении, точность, скорость, прозрачность, безопасность, достигающаяся сложным шифрованием данных и высокой защитой от угрозы взлома, экономия из-за отсутствия издержек, автоматизированность, а также их свойство, как самоисполнимость. При должном правовом оформлении умные контракты способны значительно упростить гражданские правоотношения.

Средства правовой идентификации субъектов и объектов обладают критической важностью в условиях, когда возникают новые объекты и субъекты правоотношений. Однако и для идентификации традиционных объектов правоотношений в сети Интернет они также чрезвычайно важны. При правовом регулировании в сфере информационных технологий следует учитывать влияние природы последних на механизмы идентификации. Особенности технических стандартов и протоколов определяют наличие различных видов идентификаторов у пользователей, самой информации, технических средств и устройств, что влияет на условия использования и обработки информации при идентификации субъектов информационных правоотношений. Также нужно иметь в виду, что возможны ситуации, когда идентификация в силу содержания и объема имеющейся информации может оказаться невозможной или неполной [25, с. 16].

При изучении сущности новых средств правового регулирования, мы видим острою необходимость в разработке единой правовой терминологии, точно отображающей их сущность, а также необходимость в нормативном закреплении этих средств и их огромный регулятивный потенциал, требующий досконального изучения и адаптации этих средств к национальной правовой системе.

Рассматривая составляющие механизма правового регулирования в цифровой экономике и осуществляя глубокий анализ трансформационных тенденций в правовом регулировании, правоведы Т.В. Шатковская, Т.В. Епифанова, Н.Г. Вовченко выделяют такие свойства механизма правового регулирования, как диспозитивность, то есть избирательность общественных отношений для юридического воздействия с учетом интересов участников правоотношений, самостоятельно устанавливающих для себя регламентирующие нормы; определенность в плане установления границ правовых возможностей лиц и стабильность в отношении существующих юридических запретов и требований к правовому поведению субъектов; антимонопольную направленность и нацеленность на эффективное (лучшее) решение общезначимых юридических задач и реализацию субъективных прав частных лиц; сбалансированность, обусловленную необходимостью сохранения баланса интересов правообладателей, пользователей и публично-правовых образований и проявляющуюся в обеспечении равных правовых возможностей участников правоотношений и соразмерности их субъективных прав и юридических обязанностей; дина-

мичность как непрерывный процесс создания новых правовых средств и форм в противовес статичной системы действующего правового регулирования [21, с. 144].

Краткий анализ изменений, происходящих внутри механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики, позволяет нам увидеть две основные тенденции этих изменений: первая заключается в трансформационных процессах внутри традиционных правовых средств внутри механизма правового регулирования (увеличение роли и количества технико-юридических норм, появление новых видов юридических фактов, новых субъектов правоотношений и т.д.); вторая тенденция, на наш взгляд, заключается в возникновении новых правовых средств в составе механизма правового регулирования. Рассмотренные изменения несут за собой приобретение механизмом правового регулирования новых свойств, свидетельствующих о развитии этого механизма. По этому поводу учёные Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор пишут: «В условиях интенсивной «цифровизации» происходит модификация сферы правового регулирования. Она становится мультисодержательной: в ее пределах не просто возникают новые отношения, но существенно изменяется ее структура, модифицируются сложившиеся связи. Ее образуют как типичные, так и нетипичные для нее, с точки зрения субъектного состава, объектов и среды существования, общественные отношения, включая те, которые практически исключают непосредственное участие человека» [26, с. 96].

Использование цифровых технологий выдвигает проблему изменения сферы правового регулирования, пределов и интенсивности регулирующего воздействия права, трансформации информационно-психологического и инструментального аспектов действия права [16, с. 115]. Это говорит об усложнении процессов, протекающих в социальной среде. Механизм правового регулирования – главный идентификатор эффективности правовой системы. Изучить закономерности протекающих внутри структуры механизма правового регулирования процессов значит возыметь возможность составить прогнозы о тенденциях развития всей правовой системы.

Список литературы:

1. Dr. Albert Einstein (Institute for Advanced Study, Princeton, New Jersey) / Considerations Concerning the Fundamentals of Theoretical Physics – Science, Volume 91, Number 2369, 1940, Column 2, American Association for the Advancement of Science, Washington D.C. (JSTOR) 487-492 с. – URL: <https://dzodzo.ru/socessay/poisk-istiny-vazhnee-chem-obladanie-eyu-a-ejnshtejn/>
2. Радько, Т. Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров : / Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова. – Москва: Проспект, 2014. – 564 с.
3. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966, С. 30.
4. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – С. 625.
5. Скрипник Александр Владимирович/ Механизм правового регулирования: его составные части и содержание // Право и государство: теория и практика. 2019. №4 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-pravovogo-regulirovaniya-ego-sostavnye-chasti-i-soderzhanie>
6. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник для бакалавров. –М.: Юрайт, 2010, с. 397.
7. Шабалин В.А. Системный анализ механизма правового регулирования // Сов. государство и прав, 1969, № 10, с. 124-125
8. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. — М., 1980, с. 14.
9. Гревцов, Ю.И. Проблемы теории правового отношения. – Л.: ЛГУ, 1981. – С. 73.
10. Лексические значение слова механизм. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/%D0%BC/%D0%BC%D0%B5%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (дата обращения: 01.01.2024)
11. Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема//Правоведение. 1999.№ 2.С. 7-8.
12. Нормы права: теоретико-правовое исследование: Монография/ Т.В. Губаева, Л.А. Гумеров, А.В. Краснов и др; отв.ред. Т.В. Губаева/ А.В. Краснов; Рос.акад.правосудия. – М.: РАП, 2014 – 164 с.

13. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Издательство «Спарк», 1998. – С. 448; 210.
14. Карташавич, А.Н. Топливо, смазочные материалы и технические жидкости: учебное пособие/ А.Н. Карташавич, В.С. Товстыка, А.В. Гордеев; под ред. А.Н. Карташавича. М.: ИНФРА-М, 2022 – 421 с.
15. Национальный стандарт Российской Федерации. Единая энергетическая система и изолированно работающие энергосистемы. Тепловые электрические станции. Газотурбинные установки. Организация эксплуатации и технического обслуживания. Нормы и требования. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/573116012> (дата обращения: 28.02.2024).
16. Корнев А.В., Барзилова И.С., Липень С.В., Танимов О.В., Шепелев Д.В., Арнаутова А.А. / Система права и система законодательства: современное состояние и перспективы развития в цифровую эпоху: монография/под. Науч.рук. А.В. Корнева. – Москва: Проспект, 2021 – 176 с.
17. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М., 1958. – С. 28.
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 г. №№ 9 «О судебной практике по делам о наследовании». - Электрон. текстовые дан. -Режим доступа: www.pravo.gov.ru. - Загл. с экрана.
19. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264> (дата обращения: 06.03.2024).
20. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости / Е.А. Войниканис. – М.: ИД «Юриспруденция», 2014. – 552 с.
21. Шатковская Т.В., Епифанова Т. В., Вовченко Н. Г. Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-struktury-mehanizma-pravovogo-regulirovaniya-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> (дата обращения: 26.03.2024).
22. Демьянченко Д. А., Григоренко Д. С. Понятие «свободной» лицензии и проблемы её правовой мпплементации в российское гражданское законодательство // Инновации в науке. 2016. №4-2 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-svobodnoy-litsenzii-i-problemy-eyo-pravovoy-implementatsii-v-rossiyskoe-grazhdanskoe-zakonodatelstvo> (дата обращения: 13.03.2024).
23. Речь о свободных программах (2004). – <https://www.gnu.org/philosophy/nit-india.html>
24. Гармашев М. А. Смарт-Контракт как договор. Виды, способы заключения и совершения, проблемы исполнения // Legal Bulletin. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-kak-dogovor-vidy-sposoby-zaklyucheniya-i-soversheniya-problemy-ispolneniya> (дата обращения: 13.03.2024).
25. Наумов В.Б., Полякова Т.А. Правовые Проблемы идентификации субъектов в государственных и негосударственных системах в России // Вестник Академии Права И Управления. 2016. №2 (43). URL: <https://Cyberleninka.Ru/Article/N/Pravovye-Problemy-Identifikatsii-Subektov-V-Gosudarstvennyh-I-Negosudarstvennyh-Sistemah-V-Rossii> (Дата Обращения: 13.03.2024).
26. Хабриева Т. Я. Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. №1 (253). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-usloviyah-tsifrovoy-realnosti>
27. В.С. Нерсесянц / Общая теория права и государства: учебник – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023, 560 с.
28. Корнев А.В., Барзилова И.С., Липень С.В., Танимов О.В., Шепелев Д.В., Арнаутова А.А. / Проблемы трансформации системы законодательства в условиях развития цифровых технологий: монография/под. Науч.рук. А.В. Корнева. – Москва: Проспект, 2021 – 176 с.

Kulieva A.M. Transformation processes in the legal regulation mechanism in the conditions of digitization of law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 2. – P. 43–56.

The article is devoted to the analysis of changes occurring in the Russian legal system and, in particular, in the internal structure and in the elemental composition of the mechanism of legal regulation. Law, being subject to abrupt and chaotic changes in the conditions of a new social reality and a change in the technological way of life of society, is not always able to adapt and update the means of legal influence to dynamically developing social relations without losing its effectiveness. In science, an active discussion has developed about the expansion or, conversely, narrowing of the limits of legal regulation in connection with the emergence of new types of social relations and subjects of legal influence. The mechanism of legal regulation, although it consists of both static and dynamic legal means, in its essence is the main manifestation of the dynamic properties of the life of law and represents the main identifier of the effectiveness of the law. The system of legal means that are part of the mechanism of legal regulation requires substantive consideration in the context of new socio-economic conditions. The article provides theoretical and legal provisions on transformation processes within this system and examines prognostic concepts of its development.

Key words: mechanism of legal regulation, digitalization of law, elemental composition of the mechanism of legal regulation, effectiveness of legal regulation, technologization of social relations.

Spisok literatury:

1. Dr. Albert Einstein (Institute for Advanced Study, Princeton, New Jersey) / Considerations Concerning the Fundamentals of Theoretical Physics – Science, Volume 91, Number 2369, 1940, Column 2, American Association for the Advancement of Science, Washington D.C. (JSTOR) p. 487-492. – <https://dzodzo.ru/socessay/poisk-istiny-vazhnee-chem-obladanie-eyu-a-ejnshtejn/>

2. Rad'ko, T. N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov : / T. N. Rad'ko, V. V. Lazarev, L. A. Morozova. – Moskva: Prospekt, 2014. – 564 s.
3. Alekseev S.S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. M.: YUrid. lit., 1966, S. 30.
4. Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lekcij / Pod red. N.I.Matuzova i A.V.Mal'ko. M.: YUrist", 1997. S. 625.
5. Skripnik Aleksandr Vladimirovich/ Mekhanizm pravovogo regulirovaniya: ego sostavnye chasti i sodержanie // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. №4 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mekhanizm-pravovogo-regulirovaniya-ego-sostavnye-chasti-i-soderzhanie> (
6. Perevalov V.D. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya bakalavrov. M.: YUrajt, 2010, s. 397.
7. SHabalin V.A. Sistemnyj analiz mekhanizma pravovogo regulirovaniya// Sov. gosudarstvo i prav, 1969, № 10, s. 124-125
8. Isakov V.B. Fakticheskij sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya. — M., 1980, s. 14.
9. Grevcov, YU.I. Problemy teorii pravovogo otnosheniya. – L.: LGU, 1981. – S. 73.
10. Leksicheskie znachenie slova mekhanizm. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/%D0%BC/%D0%BC%D0%B5%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (data obrashcheniya: 01.01.2024)
11. Mal'ko A. V. Pravovye sredstva kak obshcheteoreticheskaya problema. S. 7–8
12. Normy prava: teoretiko-pravove issledovanie: Monografiya/ T.V. Gubaeva, L.A. Gumerov, A.V. Krasnov i dr; otv.red. T.V. GubaevaYA A.V. Krasnov; Ros.akad.pravosudiya. – M.: RAP, 2014 – 164 s.
13. Lazarev V.V., Lipen' S.V. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov. - M.: Izdatel'stvo «Spark», 1998. - s. 210
14. Kartashavich, A.N. Toplivo, smazochnye materialy i tekhnicheskie zhidkosti: uchebnoe posobie/ A.N. Kartashevich, V.S.Tovstyka, A.V.Gordeenko; pod red. A.N. Kartashevicha–Moskva: INFRA-M., 2022, 421 s.
15. <https://docs.cntd.ru/document/573116012> (data obrasheniya: 28.02.2024)
16. Kornev A.V., Barzilova I.S., Lipen' S.V., Tanimov O.V., SHEpelev D.V., Arnautova A.A. / Sistema prava i sistema zakonodatel'stva: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya v cifrovuyu epohu: monografiya/pod. Nauch.ruk. A.V. Korneva. – Moskva: Prospekt, 2021 – 176 s.
17. Krasavchikov, O.A. YUridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave. – M., 1958. –S. 28
18. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.05.2012 g. №№ 9 «O sudebnoj praktike po delam o nasledovanii». - Elektron. tekstovye dan. -Rezhim dostupa: www.pravo.gov.ru. - Zagl. s ekrana.
19. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264> (data obrashcheniya: 06.03.2024).
20. Vojnikanis E.A. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v cifrovuyu epohu: paradigma balansa i gibkosti / E.A. Vojnikanis. – M.: ID «YUrisprudenciya», 2014. – 552 s.
21. SHatkovskaya T.V., Epifanova T. V., Vovchenko N. G. Transformaciya struktury mekhanizma pravovogo regulirovaniya v usloviyah cifrovoj ekonomiki // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-struktury-mekhanizma-pravovogo-regulirovaniya-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki> (data obrashcheniya: 26.03.2024).
22. Dem'yanchenko D. A., Grigorenko D. S. Ponyatie «svobodnoj» licenzii i problemy eyo pravovoj mplementacii v rossijskoe grazhdanskoe zakonodatel'stvo // Innovacii v nauke. 2016. №4-2 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-svobodnoy-litsenzii-i-problemy-eyo-pravovoy-implementatsii-v-rossijskoe-grazhdanskoe-zakonodatel'stvo> (data obrashcheniya: 13.03.2024).
23. <https://www.gnu.org/philosophy/nit-india.html> (data obrashcheniya: 10.03.2024)
24. Garmashev M. A.Smart-Kontrakt kak dogovor. Vidy, sposoby zaklyucheniya i soversheniya, problemy ispolneniya // Legal Bulletin. 2023. №2. Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakt-kak-dogovor-vidy-sposoby-zaklyucheniya-i-soversheniya-problemy-ispolneniya> (data obrashcheniya: 13.03.2024).
25. Naumov V.B., Polyakova T.A. Pravovye Problemy identifikacii sub"ektov v gosudarstvennyh i negosudarstvennyh sistemah v Rossii // Vestnik Akademii Prava I Upravleniya. 2016. №2 (43). Url: <https://Cyberleninka.Ru/Article/N/Pravovye-Problemy-Identifikatsii-Subektov-V-Gosudarstvennyh-I-Negosudarstvennyh-Sistemah-V-Rossii> (Data Obrashcheniya: 13.03.2024).
26. Habrieva T. YA. CHernogor N. N. Pravo v usloviyah cifrovoj real'nosti // ZHurnal rossijskogo prava. 2018. №1 (253). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-usloviyah-tsifrovoy-realnosti>
27. V.S. Nersesyanc / Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik. M.: Norma: INFRA-M, 2023 – 560 s.
28. Kornev A.V., Barzilova I.S., Lipen' S.V., Tanimov O.V., SHEpelev D.V., Arnautova A.A. / Problemy transformacii sistemy zakonodatel'stva v usloviyah razvitiya cifrovyyh tekhnologij: monografiya/pod. Nauch.ruk. A.V. Korneva. – Moskva: Prospekt, 2021 – 176 s.